

Глава 1

«Сказки об Италии»

— ...ей, к тому же он просто крышесносный красавчик!

Эти слова донеслись до Риммы в тот момент, когда она проходила через зону ресепшен и краем глаза заметила, что у стойки собралась целая толпа девушек из разных отделов. Судя по необычному оживлению, блестящим глазам и возбужденным голосам, обсуждалось нечто особенное, но Римма не стала прислушиваться. Если это что-то важное, то рано или поздно она все равно узнает, о чем шла речь, а если нет, то и не стоит тратить время на пустяки. От обеденного перерыва остается еще четверть часа, как раз можно успеть заглянуть к соседям-айтишникам в зимний сад, где расцвела лиана с каким-то непроизносимым названием, и сделать несколько снимков.

Сотрудникам соседской фирмы, занимавшейся разработкой видеоигр, Римма в глубине души завидовала. Везет же людям: никакого тебе дресс-кода, и парни, и девушки ходят в футболках, узких джинсах и расшнурованных кедах, с разноцветными дредами и татуировками на всех возможных и невозможных местах, в ушах вечно яркие пуговицы наушников. У них собственный зимний сад, да и сам офис — огромное пустое пространство, ничто не

стесняет и не закрывает панорамных окон с прекрасным видом на Москву-реку. Ребята работают, устроившись, как кому удобно, покачиваясь в развешанных повсюду разноцветных гамаках или развалившись в креслах-мешках и пристроив ноутбуки себе на колени или на животы. И рабочий день у них не нормирован, распоряжаются временем, как сами считают нужным, многие являются чуть ли не к обеду, правда, и уходят глубоко за полночь. Ну просто воплощенная мечта. В компании, где трудилась Римма, все было совершенно по-другому, куда более строго и традиционно. И не то чтобы это не устраивало, нет, в общем и целом она была довольна своей работой. Но иногда хотелось чего-то особенного, чего-то более интересного и творческого, вот как у соседей. Или хотя бы не столь монотонного и предсказуемого, как вечные экселевские столбцы цифр на экране монитора.

Зайдя за стеклянную дверь и сразу погрузившись во влажную духоту зимнего сада, Римма миновала болтливый фонтанчик и прошла по дорожке из искусственно-го камня между растений, пышно зеленеющих круглый год под светом тщательно спрятанных ламп. Даже сейчас, в январе, здесь повсюду что-то цвело. Кадка с лианой стояла у самого окна, огромного, во всю стену, и Римма в который уж раз за время работы в башне делового центра Москва-Сити порадовалась, что не боится высоты. Не каждый может таким похвастаться, она лично знала людей, которым становилось не по себе от одной только мысли, что офис находится на пятьдесят шестом этаже.

Обойдя лиану со всех сторон, Римма сделала десятка полтора снимков: вьющиеся по причудливой решетке усыпанные пышными соцветиями стебли, крупным пла-

ном гроздя ярких, точно фарфоровых, белых с красной серединкой «звездочек» и, конечно же, несколько селфи на столь выигрышном фоне — в разных позах и ракурсах, чтобы потом выбрать наиболее интересные и выложить в соцсеть.

От цветов исходил тяжелый и сладкий дурмящий аромат, чем-то напоминавший запах маминых духов. Вспомнив о маме, Римма привычно вздохнула. Видела бы та сейчас свою девочку! Вот в этом самом костюме из тонкой английской шерсти, в двухсотдолларовых туфлях на каждый день, с айфоном последней модели в руках. Как бы мама гордилась ею, как бы радовалась! Пусть Людмила Сергеевна и не говорила этого открытым текстом, но все-таки была убеждена, что ее дочь достойна всего самого лучшего. И работа в московском представительстве итальянской компании в их с мамой системе ценностей уж точно относилась к категории лучшего — но только как промежуточный этап, как очередная ступенька к достижению цели.

Еще со школьной скамьи мама, тогда, конечно, никакая не Людмила Сергеевна, а просто Люда, бредила Италией, день и ночь грезила о поездке на Апеннинский полуостров, изучала язык Данте и Петрарки по взятому в районной библиотеке самоучителю и мечтала стать переводчиком. Однако ее родители, люди приземленные и практичные, сочли, что переводчик — это профессия несерьезная, и настояли на поступлении дочери в технический вуз. И Люда, пусть и крайне неохотно, но подчинилась. В первый же год работы на заводе, где оказалась после окончания института, она встретила своего будущего мужа и отца Риммы. Как и Людмила, Виктор был

начинающим инженером, как и ей, ему нравилось танцевать под сладкоголосую итальянскую эстраду и смотреть фильмы с Адриано Челентано. Этому молодым людям показалось вполне достаточно, чтобы решить, что они любят друг друга, и подать заявление в ЗАГС.

Увы, молодожены слишком скоро поняли, что супружество — это не только совместное посещение видеосалонов и вечеринки с танцами под «Бай-бай-бай-бай-бай». Не прошло и года после свадьбы, как начались взаимные упреки, обиды, семейные ссоры, число которых стало расти в геометрической прогрессии. Особенно трудно стало, когда родилась дочка, и ее появление совпало с началом эпохи 90-х, впоследствии ставшей притчей во языцех даже для тех, кого тогда еще не было на свете. Завод закрылся, оба молодых родителя потеряли работу, а Виктор к тому же начал тяготиться семейной жизнью, загулял и в итоге отбыл в неизвестном направлении, предоставив Люде самой справляться как со всеми хлопотами о разводе, так и с заботой о дочке. Римма своего отца не успела не то что полюбить, но даже толком узнать — ведь, когда Виктор исчез из их с мамой жизни, ей не было еще и полутора лет. И, как это нередко случается в неполных семьях, между матерью и дочерью сразу возникла особенно сильная привязанность.

Им повезло — значительных материальных трудностей семья не испытывала благодаря бабушке, тогда еще старой и весьма предприимчивой женщине. Та быстро сумела сориентироваться в новых реалиях, окончила какие-то курсы и благодаря нужным знакомствам устроилась в подразделение одного из первых открывшихся в России холдингов главным бухгалтером. Специальность

непростая, тем более по тем временам, да и опасная, поскольку предполагает материальную ответственность — но зато бабушкиной зарплаты вполне хватало на то, чтобы прокормить и одеть всю семью: и дочку, и внучку. Люда, в отличие от нее, так и не сумела приспособиться к новой жизни. Теоретически, даже с ее далеко не идеальным знанием итальянского языка вполне можно было бы найти работу в какой-нибудь международной компании или совместном предприятии, которых в то время в России создавалось более чем достаточно. Но Людмила Сергеевна оказалась слишком для этого застенчивой, слишком скромной и неуверенной в себе. На всю жизнь она так и осталась мечтательницей, смутно представляющей, что творится за хрупкими границами любовно оберегаемого ею идеально-романтического мира, который она сама создала сначала для себя, а потом, точно делая нечто само собой разумеющееся, поселила в нем и свою дочку.

В то время, когда росла Римма, в большинстве отечественных семей родители работали, а внуками, если те не ходили в детский сад, занимались бабушки и дедушки. Но в семье Сотниковых все было наоборот. Пока бабушка с раннего утра до глубокой ночи пропадала у себя на фирме, Римма оставалась с мамой, которая работала дома на полставки, чтобы как можно больше времени проводить с ребенком. Благодаря занятиям с мамой Римма уже в четыре года умела читать и считать, а в пять писала печатными буквами и успешно справлялась с задачками на все четыре арифметических действия. Людмила не жалела ни сил, ни времени, чтобы развивать способности дочурки. Так, заметив, что Римме нравится рисовать, она тут же записала ее в художественную школу. Но все-таки при этом

самым значимым моментом оставался итальянский язык. Отказывая во всем себе самой, мама, тем не менее, находила деньги на оплату «лучшего педагога» — эффективной, как кинозвезда, хотя уже и немолодой дамы, сотрудницы кафедры романского языкознания филфака МГУ. Римма начала заниматься с ней итальянским языком с шести лет и к старшим классам уже владела им совершенно свободно, не хуже, а даже лучше, чем английским, по которому тоже была одной из лучших в своей спецшколе.

Неудивительно, что, будучи сильно привязанной к маме, Римма с раннего детства воспринимала ее романтические грезы как свои собственные. Как и мама, она бредила Италией, зачитывалась книгами о ней и знала чуть ли не наизусть все любимые мамины фильмы. Ей они тоже нравились, за исключением, может быть, только одного — «Римских каникул», красивой, даже несмотря на черно-белую пленку, голливудской сказки середины прошлого столетия. Вместе с мамой Римма с удовольствием любовалась видами итальянской столицы и сопереживала приключениям героев, которые случайно встретились в Вечном городе и полюбили друг друга с первого взгляда. Но когда доходило до финала, Римма всегда прекращала смотреть на экран и убегала из комнаты. Ей было так жаль влюбленных, которым все-таки пришлось расстаться, что в детстве она даже плакала от подобной несправедливости. Ну почему, почему нельзя было сделать так, чтобы мужественный журналист и очаровательная принцесса Анна поженились, и все у них было бы хорошо?! И тогда мама утешала дочку, которую тоже часто называла принцессой, обнимала, прижимала к себе и, глядя по волосам, рассказывала, что ее, Риммы, жизнь обязательно сложит-

ся совсем по-другому, гораздо лучше, чем у персонажей фильма. Как и принцесса Анна, она встретит свою любовь в прекрасном европейском городе, но, в отличие от героини Одри Хепбёрн, обязательно выйдет замуж за своего избранника и проживет с ним долгую, счастливую жизнь. И дочка ни секунды не сомневалась, что именно так всё и будет. Ведь она создана для того, чтобы жить в обожании и роскоши где-нибудь во дворце, а никак не в панельной шестнадцатизэтажке.

Сначала Людмила Сергеевна хотела, чтобы дочь стала художником, реставратором или хотя бы специалистом по итальянскому искусству, но из этой задумки ничего не вышло. Во время учебы в художественной школе Римма поняла, что академический рисунок и вообще живопись — это совсем не ее призвание, ей гораздо больше нравилась фотография. Тогда мама задумалась о другой профессии для дочери и в итоге остановила свой выбор на международной экономике. С возрастом, когда ее собственных родителей уже не стало, Людмила Сергеевна поняла, что они во многом были правы: действительно, переводчик — это не совсем удачный вариант, гораздо лучше иметь в комплекте со знанием языков еще и какую-то более практичную специальность. И Римма, приняв мамино решение, как нечто само собой разумеющееся, приналегла в старших классах на математику и другие важные предметы, получила высокие баллы по ЕГЭ и успешно поступила в хороший университет.

Принято считать, что студенческие годы — самое лучшее, интересное и веселое время в жизни. И многие молодые люди воспринимают эти слова слишком уж буквально, стараясь все пять лет отрываться на полную ка-

тушку, ни о чем не думая и не заботясь. Римма Сотникова очень гордилась тем, что она не такая. Не то чтобы она была ботаншей или занудой, для которой в мире не существует ничего, кроме зубрежки, конечно же, нет! Она, как и все, любила потусоваться, ходила на вечеринки, в клубы и прочие интересные места, влюблялась и бегала на свидания, — но все равно всегда помнила, что учеба должна быть на первом месте, и сдавала все до единой сессии не то что без хвостов, но даже без троек.

Уже на последнем курсе бакалавриата они с мамой начали подыскивать будущее место работы. Мечтали, конечно, о стажировке в Европе, а в идеале — сразу и о работе в какой-нибудь из благополучных стран, но с этим оказалось крайне сложно, специалистов в области экономики, и начинающих, и опытных, на Западе хватало и без Риммы. Вариант с учебой в Европе тоже, увы, не годился — слишком дорого. Пришлось смириться с мыслью, что первая работа Риммы пока будет здесь, в России. Мама с дочкой приложили все усилия, нашли подходящих, еще бабушкиных, знакомых и благодаря этому почти сразу же после магистратуры Римма устроилась в представительство солидной итальянской фирмы с офисом в одной из башен Москва-Сити. Фирма торговала по всей России мебелью и комплектующими, и, благоговейно листая увесистые глянцевые каталоги, Людмила Сергеевна как завожженная слушала рассказы дочери о первых впечатлениях от новой работы и мечтала, что скоро ее ненаглядная принцесса будет ездить в командировки в Италию. Римма в ответ заверяла ее, что даже если с командировками и не получится (все-таки сотрудников финансово-экономического отдела не так уж часто отправляют в командиров-

ки), то все равно не за горами тот день, когда она будет зарабатывать достаточно, чтобы отправиться в туристическое путешествие по Европе. И конечно же, обязательно возьмет с собой маму.

Упорство и деловые качества молодой сотрудницы не остались незамеченными. Римма быстро продвигалась по службе и уже через два года получила должность старшего экономиста-аналитика. Как и планировала, стала неплохо зарабатывать, и у нее, наконец, появилась возможность исполнить мамину мечту о поездке в Италию. Услышав такую новость, Людмила Сергеевна в первый момент даже не нашла слов, только всплеснула руками и посмотрела на дочку с нескрываемым обожанием. Римма очень гордилась собой: наконец-то и она сможет что-то сделать для мамы. Придирчиво рассмотрев с десяток турфирм, тщательно выбрала экскурсионный тур для двоих — потрясающий и даже фееричный. За четырнадцать дней им предстояло побывать в Милане, Вероне, Флоренции и Венеции, посетить Неаполь и Помпеи, проехать через все Амальфитанское побережье и вернуться в центр страны, где коронным номером путешествия значился Рим. На него было отведено целых четыре дня — вполне достаточно для первого (но, конечно же, далеко не последнего) знакомства с Великим городом.

Ожидание поездки наполнило их жизнь бесконечным счастьем. Все вечера и выходные напролет мама с дочкой просиживали в интернете, придирчиво выбирая, обсуждая и составляя списки, какие места и достопримечательности обязательно надо увидеть, а какими, к великому сожалению, придется пожертвовать, отложив до следующего раза, какую еду обязательно надо попробовать, что

и где купить, чтобы привезти домой в качестве сувенира. Людмила Сергеевна словно помолодела на десять лет, ее глаза так и светились, а походка стала легкой, почти невестомой. Дочка полностью разделяла ее радость и даже подумать не могла, что беда уже притаилась за поворотом, и до нее остались считанные дни.

За пять дней до отъезда Людмила Сергеевна внезапно заболела гриппом и уже не поправилась, умерла от нелепейших осложнений. Врачи только и смогли, что растерянно развести руками: грипп, безусловно, коварен, но чтобы так... совершенно здоровая женщина в расцвете лет... Один случай на сотни... Разговаривая с ними, Римма кивала, слышала и вроде даже понимала смысл слов. И все-таки никак не могла не то что смириться, но даже просто поверить в происходящее. Просто не укладывалось в голове, как это так может быть, что мамы больше нет.

Похоронив маму, Римма словно окаменела. Внешне она продолжала жить своей обычной жизнью: ежедневно ездила на работу, дважды в неделю ходила в фитнес-клуб, а по вечерам возвращалась в их скромную двухкомнатную квартирку в Люблине и кормила мамино кота Плаксику (вообще-то по документам его звали Пласидо, но так его никто никогда не называл). Но из-под ног точно выбили почву, а внутри словно образовалась гигантская дыра. И неизвестно, что было бы с ней дальше, если бы не помощь друга и бывшего одноклассника Егора, к которому Римма давно уже относилась как к брату, если не родному, то двоюродному. Они дружили со старших классов, с тех пор как Егор неумело и застенчиво пытался ухаживать за ней. Римма тогда твердо дала понять, что на взаимность рассчитывать нечего, он совсем не в ее вкусе — не-

высокий, полноватый, совершенно неспортивного вида, да еще и в старомодных очках с толстенькими линзами. Но Егор был умным, знающим, интересным собеседником, да и просто хорошим добрым человеком, и Римма не могла этого не оценить. Она предложила ему свою дружбу, которую он охотно принял, — и впоследствии не раз поблагодарила судьбу за это свое решение. Несмотря на внешность законченного ботана, Егор был прекрасно приспособлен к жизни и обладал практичностью и житейской смекалкой, которые развивались в нем с каждым годом. Именно он помог убитой горем и вконец растерявшейся Римме с организацией маминых похорон, а потом, едва минуло сорок дней, почти насильно затащил ее к знакомому психологу, приятной женщине средних лет с ясными синими глазами и мягким, точно шелковым голосом. Сеансы у психолога не только помогли смириться с потерей самого (если не единственного) близкого человека, но и понять, что потерянное состояние Риммы имеет и другие, скрытые более глубоко причины. Будучи взрослым двадцатипятилетним человеком, Римма все эти годы жила, руководствуясь не собственными, а навязанными извне целями и задачами. Вольно или невольно, желая одного лишь добра, мама сумела прибрать к рукам ее жизнь и руководила дочкой до самого последнего своего вздоха. И пусть Римма никогда не страдала от этого и толком даже не замечала, теперь ей предстояло выстроить свою жизнь заново, по собственному сценарию.

И в этом ей тоже помог Егор, начав с еще одного важного дела, с которым Римма сама ни за что бы не справилась. Через несколько месяцев после смерти Людмилы Сергеевны она окончательно поняла, что жизнь в их ста-